

- ⁷¹ Природа моделей и модели природы / под ред. Д. М. Гвишиани, И. Б. Новика, С. А. Пегова. М., 1986. С. 136.
- ⁷² См.: Берков В. Ф. Указ. соч. Минск, 1983.
- ⁷³ Колпаков В. А. Указ. соч. С. 57.
- ⁷⁴ См.: Ракитов А. И. Указ. соч. С. 105.
- ⁷⁵ Там же. С. 101–102.
- ⁷⁶ Там же. С. 100.
- ⁷⁷ Там же. С. 106–107.
- ⁷⁸ Там же. С. 107.
- ⁷⁹ См., например: Темник по рабочему изобретательству. Гомель, 1931; Тэмнік рабoчых прапаноў па друкарні імя Сталіна. Мінск, 1932; Темник «узких мест» в производстве. Минск, 1959; Темник для изобретателей и рационализаторов на 1960 год. Минск, 1960; Темник рационализатора. Минск, 1960 и др.
- ⁸⁰ См., например: Fischer S., Dornbusch R., Schmalensee R. Introduction to Macroeconomics. 2nd ed. New York, 1988.
- ⁸¹ Берков В. Ф. Логико-методологический анализ научной проблемы... С. 19–20.
- ⁸² Солоненко В. К. Словарно-энциклопедические издания по философии в России // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 184.
- ⁸³ Соломоник А. Семиотика и теория познания. М., 2012. С. 34.
- ⁸⁴ Тюгашев Е., Попков Ю. Метaparадигмальный синтез современной социологии: возможное и невозможное // Социология на пороге XXI века: Основные направления исследований / под ред. С. И. Григорьева, Ж. Коэн-Хуттера. 3-е изд. М., 1999. С. 348–349.

Поступила в редакцию: 17.11.12.

А. П. ЛИМАРЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ДЕНЬГИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН И ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются исторические, методологические и теоретические проблемы социологии денег в контексте развития современной стадии капиталистического общества – финансового капитализма. Анализируя процесс предметного самоопределения социологии денег как отраслевой социологической дисциплины, автор предлагает дополнить институциональный подход к исследованию денег и денежных систем онтологическим подходом, направленным на изучение денег в качестве финансового капитала, как объекта и субъекта базовых социальных отношений современных обществ.

To study historical and methodological money sociology problems in the context of such a modern stage of capitalist society development as financial capitalism. Analyzing the process of money sociology self-regulation as a branch of sociological subject, the author offers to complete an institutional approach to money and monetary system research with an ontological approach aimed at research of money as financial capital.

Цивилизация и деньги развивались параллельно. Деньги – универсальный инструмент социального обмена, платформа многих форм социальных отношений. Проникая во все сферы общественной жизни, деньги, однако, не рассматривались как социологическая категория. «Проводившиеся социологические исследования по этой теме носят преимущественно описательный характер, ограничиваются рассмотрением известных внешних форм денег и деятельности кредитных институтов»¹. Положение стало меняться лишь в последние десятилетия. Стало понятно, что без учета «фактора денег» невозможен полноценный социологический анализ не только современного общества, но и научная интерпретация важнейших событий европейской и мировой истории. Были опубликованы исследования, в рамках которых по-

степенно формируется предметная область новой дисциплины – «социология денег» (У. Бейкер, Н. Додд, М. Кеннеди, В. Зелизер, Дж. Арриги, М. Аглиетта, А. Орлеан, Б. Лиетар и др.)². Растет интерес к эмпирическим исследованиям социальных аспектов «проблемы денег», социология денег все чаще включается в программы учебных курсов по социологии и экономике. Учебные курсы обычно состоят из таких разделов, как социальные функции денег; деньги как социокультурный феномен; экономическая социализация; типы потребительского поведения; деньги в системе ценностных ориентаций личности и др.

Поскольку предметная область социологии денег находится в стадии формирования, то многие ее методологические и теоретические проблемы еще предстоит разработать. Деньги как социальный феномен выходят за рамки предметных границ традиционных общественных наук. Л. Н. Толстой определял деньги как худшую форму рабства, М. Вебер находился под глубоким впечатлением эмансипирующей роли денег, О. де Бальзак утверждал, что деньги – это шестое чувство, позволяющее нам наслаждаться пятью остальными. К. Маркс поддержал слова У. Ю. Гладстона о том, что даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег. Такие взаимоисключающие оценки социальной роли денег объясняются амбивалентностью, противоречивостью социальных проявлений денег, своего рода «диалектикой денег». Деньги объективируют себя как нечто между добром и злом, свободой и рабством, насилием и доверием, как феномен, не поддающийся строгому определению. «Тайна денег» часто являлась причиной различных мистификаций и «денежных культов». Деньги становились «главным героем» многочисленных литературных сюжетов, занимали важное место в системе ценностей исторических обществ от античности до наших дней. К. Маркс один из первых в своем научном анализе вышел за пределы экономического исследования феномена денег. Он обращал внимание на то, что по отношению к обществу деньги выполняют не только экономические функции, но и формируют особый тип социальных отношений, порождающих отчуждение и товарно-денежный фетишизм.

На ранних стадиях развития капитализма деньги и финансовая система еще не проявили себя во всей полноте социального и экономического потенциала и поэтому рассматривались марксистами как функция-посредник, от которой можно и нужно избавиться в будущем без ущерба для экономики и общественного производства. К. Маркс воспринимал молодой промышленный капитализм как стареющее общество, достигшее критической стадии развития внутрисистемных противоречий. Эта темпоральная ошибка обнаружилась уже при первых попытках ортодоксальных марксистов построить «общество без денег» (политика военного коммунизма в советской России). Стало ясно, что такое общество – утопия, в которую, как это ни странно, верил один из величайших экономистов – К. Маркс. Но одновременно в советской России начался поиск новой модели денежного обращения и финансовой системы. Была ликвидирована кредитная эмиссия денег частными банками и частное присвоение ссудного процента. Советские банки превратились в обычные предприятия, выполняющие естественные посреднические функции по обслуживанию реального сектора экономики и торгового оборота. Советские деньги наделялись новым социальным содержанием. Уникальные практики советской денежной и финансовой системы еще будут востребованы. Тем более что современная западная экономическая наука оказалась в глубоком концептуальном кризисе перед лицом нынешнего глобального финансового и экономического кризиса именно по причине упрямого отказа признать деньги не только экономической, но и социальной категорией. В ноябре 2012 г. эксперты Международного валютного фонда выступили с предложением поднять ставку банковского резервирования до 100 %, т. е. покуситься на святая святых – кредитную эмиссию денег част-

ными банками как основу могущества современной финансовой олигархии. Конечно, это лишь мнение отдельных экспертов МВФ, но еще совсем недавно подобные предложения со стороны официальных лиц, представляющих влиятельный международный финансовый институт, были бы невозможны и воспринимались бы как коммунистическая ересь.

К. Маркс лишь наметил перспективы социологического анализа денег. В целом, однако, оценивая деньги как чисто дисфункциональное явление, ортодоксальные марксисты понимали деньги как абсолютное зло. В противоположную крайность в той или иной степени впадали социологи культурологического направления. В отличие от К. Маркса, Г. Зиммель анализировал деньги как особую форму культуры. Кстати, подобной точки зрения придерживаются многие западные социологи, изучающие превращение социальных отношений в инструментальную рациональность. Современные социологи делают акцент на символической и коммуникативной роли денег. Сущность денег как социального феномена, по мнению Н. Лумана и Ю. Хабермаса, заключается в выполнении ими функций механизма коммуникации, они расширяют горизонт деятельности в социальных системах. Похожие суждения относительно вопроса денег и свободы встречаются в работах Т. Парсонса. Ю. Хабермас, изучая превращение социальных отношений в инструментальную рациональность, указывает, что в современных обществах экспансия денег приводит к реификации общественных отношений. Люди и вещи начинают цениться не в зависимости от их собственных свойств, а с учетом их денежной стоимости.

Г. Зиммель не отрицал анализа К. Маркса, но делал акцент на анализе денег как чистой формы социальности («социации»), освобождающей индивида от жесткого контроля традиционных институтов, открывающей новые горизонты формального равенства, платой за которое становится всеобщее «проституирование» общественных отношений. По этому поводу М. Вебер не без иронии отметил: «Священная книга современного общества – книга бухгалтерского учета. Бог – деньги».

В целом ни марксистская социология, ни культурологический анализ денег в работах Г. Зиммеля и М. Вебера не вышли за рамки количественной и инструментальной концепции денег, сформировавшейся в классической политической экономии XIX в. Экономическая теория исходила из товарного происхождения денег, деньги всего лишь временно замещают товары, служат мерой стоимости и средством товарного обращения. Социологический интерес по вопросу денег сместился в сторону исследования социальных последствий господства капитала и проникновения денег в социальные сферы, традиционно находившиеся вне пределов их влияния. Следующий шаг в предметном самоопределении социологии денег сделан в работах С. Гезелля, К. Поланьи, С. Московичи, Б. Лиетара, М. Аглиетты, В. Зелизер и др.

Здесь следует выделить прежде всего теорию «свободных денег» Сильвио Гезелля и теорию «множественных денег» Вивиан Зелизер. Теория С. Гезелля опиралась на многочисленные, хотя и локальные, практики использования беспроцентных денег и даже денег с отрицательным процентом. По мнению некоторых историков экономики, теория С. Гезелля не менее революционна, чем экономическая теория К. Маркса. По этому поводу Дж. М. Кейнс выразился определенно: «Я убежден, что будущее научится больше у Гезелля, чем у Маркса». Возможно, именно поэтому теория денег С. Гезелля подверглась всеобщему замалчиванию в официальной социологической и экономической науке.

С. Гезелль в работе 1929 г. «Теория свободной экономики» рассматривал деньги прежде всего в связи с их экономическими функциями, но указывал на самодостаточность функций денег в качестве средства обмена, утверждая, что деньги не могут быть одновременно средством обмена и сбережения. Если по К. Марксу системный порок капитализма в несправедливом рас-

пределении прибавочной стоимости и в деньгах как абстрактной форме выражения и присвоения стоимости, то у С. Гезелля «зло» – в кредитной природе денег, а возвращение деньгам их естественных функций предполагает ликвидацию процентных денег. Радикальные марксисты не видели другого выхода из противоречий социальной системы капитализма, кроме как уничтожить деньги как таковые. С. Гезелль, напротив, предлагает систему «здоровых денег», способную преодолеть пороки денежного фетишизма. В этой финансовой системе невозможно «делать деньги из денег». А именно этот «великий соблазн», по мнению многих аналитиков, стал причиной всех предыдущих экономических кризисов, в том числе и глобального системного кризиса современного финансового капитализма. Концепция Гезелля и его последователей указывает на кредитные деньги и ссудный процент как основную причину денежного фетишизма и циклических кризисов и, что особенно важно, связывает общественную форму денег и финансовых систем с типами мотиваций коллективного и индивидуального поведения.

Современные деньги, основанные на кредитной эмиссии и ссудном проценте, получили всеобщее распространение сравнительно недавно, в XVII в. Предполагается, что ссудный процент стимулирует конкуренцию, экономический рост и социально позитивную мотивацию. Этот тип денег стал настолько привычным, что трудно представить возможной какую-либо другую общественную форму денег. Между тем история свидетельствует, что существовало много денежных систем, альтернативных современным необеспеченным и кредитным деньгам. Оппоненты концепции денег с делевереджем (отрицательным процентом) справедливо указывают, что все практики применения таких денег были локальными, направленными на решение местных хозяйственных и социальных проблем и никогда не являлись альтернативой национальной или глобальной денежной системе. Однако Бернар Лиетар обнаружил два исключения: «Мы жили с идеей получения дохода от процентов на деньги веками, так что даже намерение платить за деньги звучит странно для современного обозревателя. Однако такая система существовала несколько веков, по меньшей мере в двух цивилизациях, и привела к прекрасным экономическим и социальным результатам». В эпоху династического Египта и центральный период европейского Средневековья (X–XIII вв.) отрицательные деньги существовали параллельно с обычными деньгами и играли важную роль в макроэкономике. Б. Лиетар назвал этот союз дуэтом денег Инь и Ян. Он обратил внимание на то, что «валюты, которые не подвержены инфляции, но имеют плату за хранение, представляют собой необычный интерес, потому что они рожают совершенно иные модели коллективного поведения, порожденного (иными. – А. Л.) деньгами, чем те, с которыми мы знакомы сегодня»³. В частности, они стимулируют сотрудничество, повышают возможности роста жизненного уровня рядовых членов общества и, не допуская неприемлемой концентрации денег в одних руках, сглаживают социальную напряженность. В наше время идея денег с делевереджем популярна среди диссидентствующих интеллектуалов. Их библией стала книга Маргрит Кеннеди «Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому» (1993).

Для социологии денег исследования Б. Лиетара интересны тем, что на основе исторического материала продемонстрирована тесная связь между типами денежных систем и коллективными формами социального поведения. Процентные деньги и деньги с делевереджем имеют различную социальную природу, ориентированы на различные социальные мотивации и экономические функции. Конечно, в условиях современной экономики использование таких денег может быть только ограниченным, например в качестве параллельных местных денег, и такие деньги могут «работать» исключительно как общественные, но не как частные деньги. «Банкстеры» и здесь учуяли возможность наживы: уже обсуждаются планы (Япония) перехода на электрон-

ные деньги с отрицательным процентом к 2014 г., и величиной демереджа в 4 %.

Перед угрозой финансового армагеддона мировое сообщество все более осознает опасности, вытекающие из господства монопольных и ничем не обеспеченных денег. Яростные споры кейнсианцев и монетаристов зашли в тупик. Безумная закачка денег в систему в рамках кейнсианской политики уже загнала мировую экономику в ловушку ликвидности, призывы же монетаристов к золотому денежному стандарту не более чем утопия. В любом случае поиск альтернатив связан с новым пониманием социальной природы денег.

Теория множественных денег также позволяет выйти за пределы экономического анализа. В. Зелизер предлагает альтернативную, дифференцированную модель денег, показывающую, как они постоянно формируются и переформируются посредством множества сетей социальных отношений и разнообразных смысловых систем. «Деньги не являются ни культурно нейтральными, ни социально анонимными. Деньги могут “превращать” ценности и социальные связи в числа, однако ценности и социальные отношения в ответ трансформируют сами деньги, наполняя их смыслом и встраивая в социальные паттерны»⁴. Подход В. Зелизер открывает новые перспективы для эмпирических исследований, выходящих за рамки традиционных бюджетных и потребительских опросов.

К сожалению, ни классическая, ни современная социология не смогли предложить концептуально завершенной социологической теории денег, хотя классики осознавали значение этой проблемы для социологической теории. В условиях дефицита социологического предложения экономисты заняли нигилистическую позицию по отношению к вопросу о генезисе и социальной природе денег. Академическая экономическая наука в XX в. вообще постепенно сводила социологическое содержание своей дисциплины к минимуму. Исчез из употребления сам термин «политическая экономика». Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, отказ науки от всякой философии часто оборачивается использованием ее наиболее упрощенных форм. Примерно в такой ситуации оказалась и классическая экономическая теория. Социологическим фундаментом экономической теории денег стала концепция рационального выбора и теории обмена, инициированные из самой экономической среды и впоследствии претендовавшие на статус самостоятельных социологических парадигм (Дж. Коулмен, Дж. Хоманс, П. Блау и др.).

Теории рационального выбора, как и теории обмена, крайне упрощают индивидуальное и групповое социальное поведение, исключая из процесса генезиса и функционирования денег сложные формы социальных отношений, основанных на господстве и подчинении, насилии и доверии, подражании. «В этой области продолжает преобладать подход, сводящий деньги к роли инструмента, облегчающего обмен. В таком понимании деньги следуют за товарами, как то, что облегчает сделки и позволяет избегать трудностей, присущих товарообмену. Здесь не находит никакого отклика идея о том, что деньги являются не следствием рынка, а условием его существования»⁵. Методологический редукционизм в понимании социальной природы денег часто опирается на обычный здравый смысл. В повседневных практиках деньги воспринимаются как простые инструменты, облегчающие операции купли-продажи. Обывателю трудно представить, что деньги в его кошельке – это всегда долг, что за безобидной внешней чувственностью денег скрываются силы, способные изменить ход истории. Любопытный гражданин может испытать состояние шока, столкнувшись с реальной историей денег и финансов. Многие исторические события предстанут для него в ином свете, нежели в официальных учебниках по истории. Например, мало кто знает, что каждый из пяти убитых президентов США вступил в серьезный конфликт с интересами финансовой олигархии. Не вышла за пределы инструменталь-

ной концепции денег и современная неоклассическая экономическая наука. В конечном счете нынешний кризис в зоне евро связан именно с таким узко инструментальным пониманием социальной природы денег. Универсальная денежная единица (евро) была принудительно навязана обществам с различными историческими, социальными и культурными традициями.

Значительным шагом в разработке социологической теории денег стали исследования М. Аглиетты, А. Орлеана, а еще ранее К. Поланьи. Характерная особенность этих исследований – значительное обогащение социологической и культурологической базы научного анализа денег. В новейших исследованиях деньги уже не рассматриваются как простой эпифеномен процесса разделения труда и товарного обмена, не объявляются результатом чисто рационального выбора членов общества.

«В нашей теоретической конструкции, – пишет М. Аглиетта, – незавершенность денег является следствием принудительного (насильственного) характера товарных отношений, который всегда сохраняется. Возникновение всеми признанных денег означает не устранение насилия, а его внешнее закрепление, экстерииоризацию в посредническом принципе, суверенитете»⁶. Причем баланс насилия и доверия в процессе легитимизации денег всегда хрупок и может быть легко нарушен во время финансовых кризисов. Деньги в таких постоянно повторяющихся ситуациях убегают от самих себя, прячутся в защитных товарных активах и даже в гособлигациях некоторых государств под отрицательный процент. Именно это мы и наблюдаем в ходе нынешнего финансово-экономического кризиса. Трудно даже представить, что случится, если рухнет доверие к единственной, по сути, мировой валюте – доллару.

Поскольку деньги всегда ограничивают частные интересы, они являются источником постоянных конфликтов на всех уровнях социальных и международных отношений. В понимании М. Аглиетты и А. Орлеана деньги – это всегда социальный процесс, принципиально неравновесная система, постоянно продуцирующая колебания от состояния относительного социального согласия до острых и даже глобальных социальных конфликтов.

Исследование М. Аглиетты и А. Орлеана стало важным достижением на пути предметного самоопределения социологии денег, поскольку деньги рассматриваются именно как социальный институт. Институционализация денег представлена как непрерывный процесс воспроизводства сменяющихся друг друга исторических форм денежных отношений, процесс, в котором задействованы все важнейшие социальные взаимодействия, отношения и институты общества. В этом процессе «находит свое выражение амбивалентность, присущая денежному феномену: это “медиум” сплочения и умиротворения, но одновременно сфера борьбы за власть и источник насилия»⁷.

Понимание денег как социальных отношений, далеко выходящих за пределы их экономического бытия, открывает новые перспективы в исследовании социальной природы денег и социальной роли финансовых институтов. К сожалению, термин «социальные отношения» сплошь и рядом употребляется без определений, как очевидный. Возникает ощущение неудовлетворенности, недоговоренности. О чем, собственно, идет речь? Являются ли деньги всего лишь институтом, закрепляющим важные для социальной системы отношения, средством, а не целью, или содержанием (платформой, по определению Я. Щепаньского) этих отношений. Как соотносится инструментальная и нормативная трактовка денег с очевидными фактами, когда деньги – не инструмент нормативной регуляции операций обмена и распределения товаров, а цель в качестве ресурса богатства и влияния. Сторонники популярной нормативной (конвенциональной) концепции денег акцентируют внимание на процессах легитимизации «денежной игры», социальной множественности денег. Однако вне поля зрения оказываются вопросы о том, в чьих интересах (путем насилия или добровольного принятия) устанавливаются

правила денежных практик. Предполагается, что в интересах всего общества, так как все граждане заинтересованы в надежных гарантиях, закрепляющих их права на результаты своего прошлого, настоящего и будущего труда. Как государство призвано обеспечивать безопасность всех, так и деньги, основанные на общественном доверии, гарантируют права всех граждан и принуждают их к исполнению социальных обязательств. При этом неясно, на чем основывается легитимность денег, их признание обществом в качестве института защиты интересов всех. Ведь это доверие может быть результатом манипуляций в интересах господствующего класса, а финансовая система может быть откровенно несправедливой. Не поэтому ли все развитые общества постоянно сталкиваются с кризисом доверия к институту денег, сопровождающимся социальными потрясениями, классовыми конфликтами, крушением государств, революциями?

Именно поэтому институциональное понимание денег, как и микросоциология денег В. Зелиер, должны быть дополнены онтологическим анализом. Э. Дюркгейм призывал изучать социальные факты «как вещи». Деньги как раз и являются таким социальным фактом. Они не просто следствие и итог эволюции социальных отношений обмена и рационального выбора, не просто институт, регулирующий операции обмена и распределения ресурсов. Во всех обществах деньги – «предмет», актив, к обладанию которым стремятся всеми доступными средствами, переступая и нормы морали, и нормы закона. Если в доиндустриальных и индустриальных обществах многие активы (земля, натуральная земельная рента, недвижимость, промышленный капитал) успешно конкурировали с финансовыми активами, то в современных обществах деньги приняли форму господствующего универсального капитала, доминирующего над другими активами (физическим капиталом). Конечно, и в качестве капитала деньги требуют доверия и нормативного регулирования. Они должны быть инструментальны, эффективно выполнять свои экономические функции. Однако бесконечно растущая сложность финансовых инструментов и финансового права сделали деньги легкой добычей «банкстеров», привлекательным ресурсом богатства и власти. В современных обществах «большие деньги» делают владельца максимально свободным в использовании капитала в любых формах партнерства или господства. Проблемы возникают только в ситуациях острых экономических кризисов, когда «сумасшедшие деньги» в панике носятся по миру в поисках защитных активов, в качестве которых обычно выступают другие более надежные деньги, товарные или сырьевые активы.

Современные деньги в качестве капитала характеризуются всеми атрибутными свойствами капитала как такового. К. Маркс рассматривал капитал как особый тип социальных отношений, единственный в условиях всеобщего товарного производства, в ходе которого создается прибавочная стоимость и прирастает общественное богатство. Наемный труд и производственный капитал конституируют друг друга. К. Маркс очень удивился бы, узнав, в каких масштабах в современной экономике деньги делаются из денег, а не из реальной экономики. К. Маркс то ли недооценивал, то ли не понимал роли частной инициативы, полагая, что частный капитал может быть устранен без ущерба для общественного производства. Крушение «красного проекта» показало, что это не так. Сегодня мы свидетели системного кризиса «либеральной экономической утопии». В советской системе кризис общества неизбежно вытекал из неадекватного ограничения социальных и экономических функций денег и полного отказа от использования денег в качестве частного финансового капитала. В современной западной экономике кризис общества прямо связан с утратой общественного контроля над финансовой системой. Однако для научного понимания причин глобального финансового, экономического и социального кризиса недостаточно проследить метаморфозы экономической и финансовой политики. Дело не только

в глупости или безответственности политиков, росте экономических и финансовых рисков, жадности банкиров.

Изменились социальная природа денег и роль финансовых систем в жизни общества. В стандартной ситуации денежная форма капитала – это деньги, предназначенные для инвестирования, на них приобретается физический капитал. В то время как современный финансовый капитал может сохранять свою денежную форму без обращения в физический капитал, меняя лишь текущего владельца, современный финансовый капитал представляет собой совокупность особых социально-экономических условий (финансовый капитализм), когда денежная форма капитала позволяет получать прибыль без формального обмена денег на товары.

В современных обществах деньги утратили свою первородную невинность. Ушли в прошлое деньги, которые «невозможно напечатать», исчезла естественная опора, на которой строилась легитимность денег, общественное доверие к деньгам как социальному институту. Доверять друг другу людям и социальным группам гораздо сложнее, чем доверять золоту или любому другому активу, на который невозможно установить монополию. Частная монополия на любые формы денежной эмиссии несовместима с общественным доверием к деньгам как социальному институту. «Дайте мне управлять деньгами страны и мне нет дела, кто и какие законы в ней издает», – цинично заявил по этому поводу в свое время Мейер Ротшильд. Бумажные деньги – всего лишь расписка покупателя продавцу, заверенная органом в государстве, которому это право принадлежит по закону. Контроль над таким органом и составляет суть бесконечной «войны злата и булата». В 1913 г. «злато» одержало историческую победу. На долларовых банкнотах вообще нет указания на государство США, напротив, там прямо указано: «Банкнота Федеральной резервной системы», т. е. банкнота частного банка, за которую государство США формально не несет никакой ответственности. И вся эта эмиссионная монополия осуществляется вопреки прямому запрету на частную эмиссию денег, установленному Конституцией США.

Получается, что частный эмиссионный центр может игнорировать любую формальную или неформальную нормативную регуляцию денежного обращения и денежной эмиссии, а инструментальный потенциал денег – использовать в своих эгоистических интересах.

Во-вторых, изменились масштабы и вес финансового сектора в структуре современной экономики. В предкризисный 2007 г. 50 % совокупной прибыли компаний США приходилось на долю финансового сектора, т. е. в два раза больше, чем в начале 80-х гг. прошлого века. А это означает, что принципиально изменился баланс собственности и власти в среде различных групп господствующего класса, появились основания для внутриклассовых конфликтов правящих элит.

В-третьих, государство и общество утратили контроль над денежной эмиссией. Кредитно-денежная эмиссия частных банков (как любят по этому поводу выражаться СМИ, «делание денег из воздуха и электричества») затопила финансовые рынки не обеспеченными виртуальными деньгами, денежным суррогатом в виде производных финансовых инструментов. Все это вызвало хаос на фондовых, финансовых, сырьевых рынках. Мировая финансовая система все больше приобретает черты глобальной финансовой пирамиды, спекулятивные цены дезориентируют инвесторов. Ставятся под сомнение не только нормативные основания денег, но и их инструментальные (рыночные) функции.

Наконец, все больше очерчивается автономизация финансового капитала от официальных институтов власти и общества, необычный рост влияния и властного потенциала финансовых рынков в масштабах глобального общества. В своих классических формах капитал (земельный, торговый, промышленный) проявлял себя публично, стороны базовых социальных отношений

«труд и капитал» вступали в открытый конфликт или искали формы позитивного взаимодействия. История этих публичных классовых отношений составляет основное содержание социальной истории западного общества XIX–XX вв. Асимметричность отношений (классовые антагонизмы) микшировались в ходе напряженной классовой борьбы, формирования новых социальных институтов (государство социального партнерства и др.). Безусловно, и при традиционном, индустриальном капитализме существовали многочисленные скрытые формы финансового господства, подкупа власти, коррупция, криминальная эксплуатация, но они не были доминирующими. Каждый «пролетарий» знал, кто хозяин латифундии, фабрики, завода. Противники или соперники знали друг друга «в лицо». Дымящиеся трубы индустриальных кварталов зримо демонстрировали силу и мощь промышленного капитала. Становление финансового капитализма принципиально изменило формы классовых отношений в современных обществах. А форма не существует вне содержания.

Финансовый капитал вывел за пределы публичности значительную часть своего властного потенциала. Это уже не «открытое общество», а стремительно укрепляющаяся система анонимной власти финансовых рынков. Причем достоверно определить масштабы и пределы могущества современных «финансовых воротил», анонимного финансового капитала фактически невозможно. Юридическим собственником является, как правило, банк-хранитель, на имя которого открыт счет в ценных бумагах. Настоящий собственник тщательно скрыт за длинной цепочкой финансовых посредников. «В таком случае имя окончательного собственника может быть недоступно не только для обычных людей (прессы и т. п.), но и для официальных властей. К тому же кроме официальных правовых отношений могут существовать и неофициальные, т. е. когда действует не закон, а некая сложная система “понятий”... “Имена” окончательных лиц, осуществляющих власть, не должны быть на слуху вообще»⁸. Весьма показательно, что любые попытки Конгресса США провести аудит Центрального банка (ФРС) или раскрыть получателей масштабного вливания эмиссионных денег в экономику наталкиваются на упорное сопротивление со стороны могущественных финансовых кланов, а ведь любое вливание денежной ликвидности в систему в пользу отдельных социальных групп означает соответствующее перераспределение собственности. Именно рост властного могущества заставляет международную финансовую олигархию уходить в тень.

Важно отметить, что финансовый капитал меняет темпоральные и пространственные измерения современных обществ. Наподобие черной дыры финансовый капитал искажает социальное пространство и время в зоне своего влияния. Традиционное «время – деньги» оказывается в ситуации, когда «деньги – время». «Деньги не спят!» Безумная кредитная гонка предкризисных лет была ничем иным как гонкой за временем по принципу «умри ты сейчас, а я потом». Биржевые торговые роботы мгновенно извлекают из малейших колебаний цен на различных рынках спекулятивную прибыль. Триллионные массы виртуальных денег мгновенно перемещаются по финансовому пространству, совершая пиратские набеги на экономики целых стран или укрываясь от закона в оффшорах. Это уже другой мир, мир господства финансового капитала. Правительства развитых стран униженно прогибаются перед требованиями финансовых рынков, безропотно выкупают долги, созданные рискованными частными инвестициями и финансовыми спекулянтами, перекладывая груз выплаты долгов на плечи рядовых налогоплательщиков. Глядя на это, экономические гуру, сохранившие научную совесть, предсказывают надвигающийся финансовый «идеальный шторм». Интернет заполнен апокалипсическими сюжетами, гневными обвинениями в адрес «банкстеров», на площади выходят антиглобалисты, сторонники движения «Захвати Уолл-Стрит», возмущенные потребители ведут уличные бои

с полицией, требуя спасти рабочие места, а не банки. Складывается впечатление, что дьявол спустился на землю в облике анонимного финансового капитала, по определению порочного и переполненного злой волей.

В этом хаосе мнений социология денег позволяет рационально осмыслить происходящие трансформации денег и финансовых систем. Финансовый капитализм с точки зрения социологической теории – новая стадия развития капиталистического общества. Промышленный капитал на ранних стадиях развития тоже не отличался особой гуманностью. Но западное общество сумело обуздать непомерные аппетиты промышленного капитала настолько, что капитал стал массово дезертировать в развивающиеся страны. Примерно так же будут развиваться отношения между наемным трудом, обществом и финансовым капиталом. Общественный запрос на поиск новых форм денежной и финансовой политики растет. И новые формы будут найдены (например, Проект Базельского комитета по банковскому надзору – Базель III). Радикальные критики, определяющие нынешний кризис как системный и предрекающие наступление новой реальности, неопределенны в своих высказываниях и прогнозах, как в свое время коммунисты в размышлениях по поводу коммунистического будущего человечества.

Эволюция денежного капитала в финансовый капитал порождена внутренней логикой и внутренними противоречиями рыночной экономики. Определение основного противоречия капиталистического общества, данное К. Марксом, в современной интерпретации можно сформулировать как противоречие между растущими возможностями общественного производства и ограниченным платежеспособным спросом со стороны общества. Развитые общества столкнулись с первыми непредвиденными последствиями научно-технического прогресса. Рост капиталоемкости общественного производства увеличивает долю совокупного дохода, приходящуюся на капитал, и уменьшает долю труда в совокупном доходе. В результате обостряется классический кризис недопотребления и перепроизводства. На одном полюсе скопилось огромная масса свободных частных денег, не находящих производительного приложения, на другом не хватает денег даже для сохранения стандартов массового потребления. Ситуация осложняется миграцией промышленного капитала в развивающиеся страны. Только за последние 20 лет США передали на аутсорсинг в развивающиеся страны 50 млн производительных рабочих мест, частично заместив их менее производительными рабочими местами в сфере услуг.

Десятилетия процветания во времена кредитного бума привели к стремительному росту массы свободных частных денег, хлынувших на финансовые рынки. Проблема осложнялась тем, что эта концентрация финансового капитала в частных руках пришлась на завершающий период длительного экономического цикла – «зимы Кондратьева». Падающие доходы на производительный капитал в рамках действующего технологического уклада также выводили деньги из реального сектора экономики. Инвестиции в новую экономику (экономику знаний) не оправдали ожиданий. В итоге в мировой экономике сложилась крайне тяжелая ситуация. Рыночные дисбалансы достигли критической массы. Скептически настроенные аналитики предрекают катастрофу, оптимисты надеются на скорую смену технологического уклада и появление новых драйверов роста.

Конечно, переход к новому технологическому укладу станет для общества болезненным. Как шутят злые языки, кризис – это временно, лет на двадцать. Но «большие деньги» рано или поздно вернутся в реальную экономику. Произойдет и расчистка мировых финансовых балансов, финансовые пузыри лопнут, фиктивные капиталы обесценятся. В конце концов, мировая экономика не впервые оказывается в ловушке ликвидности. Будут установлены новые балансы интересов между финансовым капиталом и обществом, как это случилось в индустриальную эпоху между промышленным капиталом и

наемными работниками. Другое дело, какую цену за это придется заплатить. Международная финансовая олигархия свои господствующие властные и экономические позиции без боя не сдаст.

В настоящее время глобальные угрозы исходят и от политиков, упорно избегающих прописывать мировой экономике хотя и горькие, но необходимые лекарства. Между тем в рамках рыночной экономики в принципе существует возможность успешной борьбы с циклическими кризисами. Даже если микст из кейнсианской и монетаристской антикризисной политики окажется неудачным, будут найдены другие методы противостояния кризису и эгоизму финансового капитала. Ведь никаких более или менее ясных альтернатив современной рыночной экономики ее могильщики в обозримой перспективе не предлагают. Современные деньги не смогут заменить ни деньги с делевереджем, ни так называемые множественные (социальные) деньги, ни местные деньги, ни региональные валюты. В современных и будущих экономиках деньги сохранят традиционные экономические функции при возрастающей роли денег в качестве финансового капитала. Любая сложная экономика предполагает связь между прошлым, живым и будущим трудом, и такая связь может осуществляться только в форме финансового капитала.

Но общество будет вынуждено взять под более эффективный контроль денежную и кредитную эмиссию и укротить спекулятивные финансовые рынки. Можно, например, привести в порядок долговые рынки, решительно списав долги, созданные международными финансовыми спекулянтами, при дополнительном фондировании социально значимых участников рынка. Тем более что созданное во время кредитного бума реальное богатство (социальная и транспортная инфраструктура, недвижимость) при любом развитии событий останется в распоряжении общества.

Классовые интересы и социальное поведение финансовых групп повторяют логику действий традиционного промышленного капитала: социальная агрессивность, корпоративный эгоизм, склонность к криминальному экономическому поведению. В современных обществах финансовый капитал достиг пика своего влияния. Основные и часто судьбоносные для общества и граждан решения, определяющие экономическую динамику на длительную перспективу, мировые инвестиционные потоки, состояние рынка труда, зарплата, социальных гарантий, принимаются в кабинетах руководителей крупнейших международных банков и стоящих за их спинами бенефициаров. Финансовые лобби взяли под свой контроль политические институты и СМИ, часто откровенно действуют в ущерб не только всего общества, других групп господствующего класса, но и против собственных долговременных интересов. Предстоящая принудительная гуманизация финансового капитала пройдет под лозунгом «не общество для денег, деньги для общества».

Проблемное поле социологии денег станет формироваться в направлении от анализа социальной природы денег к исследованиям финансового капитала как исторически новой формы социально-классовых отношений. Деньги всегда связаны с асимметрией социальных отношений, источник неравенства и социальных конфликтов. Мировые деньги распространяют социальное неравенство на глобальное общество, порождая валютные и торговые войны. В начале 70-х гг. прошлого века саудовские шейхи были крайне удивлены, когда США предложили им гарантии безопасности в обмен всего лишь на обязательство продавать нефть на мировых рынках исключительно за доллары. В это же время США в одностороннем порядке отказались от золотого обеспечения своей валюты. В последующем доллар был навязан мировому сообществу как, по сути, единственная мировая валюта. Была создана исторически уникальная финансовая империя, система глобального социального, экономического и политического неравенства, предоставляющая США колоссальные преимущества. Масштабы этой неокOLONIALной денежной империи проявились в ходе развития последнего финансового и эконо-

мического кризиса. Стало ясно: кто управляет деньгами, тот управляет миром. Прекрасная иллюстрация к этому тезису – рассуждения нобелевского лауреата по экономике Н. Рубини. Призывая не опасаться безудержной долларовой эмиссии, Рубини пишет: «У США есть своя собственная валюта, и почти весь долг – государственный и частный – номинирован в долларах. Таким образом, правительство страны в отличие от правительства Греции просто не может остаться без денег... В результате практически нет никакого риска, что Америка объявит дефолт по своему долгу»⁹. Конечно, не объявит, но лишь до тех пор, пока США будут в состоянии навязывать свою волю мировому сообществу.

Предметное самоопределение социологии денег как отраслевой социологической дисциплины продолжалось на протяжении всего XX в. С начала 1950-х гг. представление о деньгах как социальных отношениях стало преобладающим. Социальные отношения стали признаваться в качестве исходной категории для научного анализа экономических процессов, в том числе анализа денег и денежных отношений. Г. Зиммель, несколько утрируя, указывал, что главное качество денег – в их количестве. Г. Зиммель был не прав. Основное социальное качество денег заключается в их способности аккумулировать результаты труда прошлых и настоящих поколений, гарантировать право на участие в распределении богатства, власти и престижа в настоящем и будущем. Деньги не менее, чем культура, связывают поколения и обеспечивают непрерывность общественной жизни («латентное условие» по определению Т. Парсонса). Просто рост количества денег как раз и разрушает это их основное качество, подрывает способность денег быть универсальным ресурсом, по поводу которого разворачивается система базисных социальных отношений капиталистического общества.

Проблема денег ставит перед теоретической социологией сложные задачи. Не случайно почти каждая книга или статья по проблемам социальной природы денег начинается с рассуждений о принципиальной сложности денег как социального феномена, о «тайне денег», их мистической сущности и т. п. Эта «таинственность» денег связана с идеологизацией денежных отношений. Утверждения о том, что «деньги любят тишину», что «считать деньги в чужом кармане – дурной тон», маскируют классовые интересы. Многие тайны «грязных денег» скрываются от общества сознательно заинтересованными социальными группами. К тому же академическое сообщество часто вводит по поводу денег самоцензуру. В 2008 г. в США рухнули две крупнейшие ипотечные компании и банк «Леман Бразерс» со 150-летней историей, что стало началом падения всей мировой финансовой системы. Дотошные журналисты бросились за комментариями к мировым академическим светилам в области экономики и финансов. Естественно, путных объяснений они не получили, но выяснилось, что многие из этих «авторитетов» благополучно состояли членами советов директоров или советниками крупных финансовых компаний и вообще, что называется, были «на содержании».

Социологи же ограничивались институциональными и культурологическими исследованиями феномена денег. За редким исключением (в основном при исследовании денег в исторических, дотоварных обществах) в социологии денег доминировал функциональный подход со всеми ограничениями. В лучшем случае деньги рассматривались как сложный конфликтный социальный процесс, в ходе которого они конституируются в качестве социального института.

Предлагаемый нами методологический подход можно определить как онтологический анализ денег. Любая научная дисциплина исходит из неких начальных определений по отношению к объекту своего исследования, на основе которых формируется научная парадигма. Таким исходным онтологическим суждением в марксистской социологии, например, является утверждение «человек есть совокупность всех общественных отношений», хотя для

философии такого понимания природы человека явно недостаточно. Деньги как онтологическая реальность проявляют себя по-разному в различных отношениях. «Единые деньги» наподобие единого христианского Бога выступают в трех ипостасях: как институт (норма), как символ (механизм коммуникации) и как капитал, т. е. ресурс (предмет, вещь), вокруг которого и по поводу которого в товарно-денежных обществах формируются базовые социальные отношения, прежде всего отношения собственности. Это «божественное» триединство денег и создает основные методологические трудности для социологической теории денег.

Все выделенные «ипостаси» существуют в единстве, но аналитически различимы. Наиболее актуальным для развития современной социологической теории денег представляется исследование денег в качестве финансового капитала, поскольку именно так деньги проявляют себя не только как форма (институт), но как содержание системообразующих социальных отношений, позволяющих определить современные развитые общества как капиталократии.

¹ Мартыненко В. Социальная философия денег // Вопросы философии. № 11. 2008. С. 143–154.

² См.: Лиетар Б. Душа денег. М., 2007; Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием. М., 2006; Арриги Дж. Двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006; Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. М., 2005; Кеннеди М. Деньги без процентов и инфляции. Как создать средство обмена, служащее каждому. М., 2001; *La Monnaie souveraine* / M. Aglietta, A. Orléan (éds). Paris, 1998.

³ Лиетар Б. Указ соч. С. 10.

⁴ Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология: электронный журнал. Т. 3. № 4 (Сент.). 2002. С. 62.

⁵ Аглиетта М., Орлеан А. Указ соч. М., 2006. С. 9–10.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Суверенные деньги против гегемонии банкиров // <http://xkarel.livejournal.com/14545.html>.

⁹ Кругман П. Это не фискальный обрыв, это бомба // <http://investfuture.ru/news/id/16737>.